

устройства, найти справедливость на работе, вернуть доброе имя. Вообще по натуре он был заступник. В своих делах, идеях, с которыми выступал, руководствовался истиной, что «без прошлого нет будущего», что подвиг соотечественников должен быть достойно увековечен и ни одно имя при этом не забыто. По инициативе Д. вокруг Ленинграда был создан Зеленый пояс славы, в самом городе основан музей защитников Ханко. На гранитных и мраморных плитах города сохраняются его слова — стихотворные надписи по обеим сторонам входа на Пискаревское кладбище, эпитафии на братской могиле Серафимовского кладбища, на памятниках защитникам Ленинграда.

Соч.: СС: в 4 т. М., 1987–88; Клубок: Стих. и поэмы. Л., 1978; Ключ: Новые стихи и переводы / илл. М. Дудина. Л., 1983; После притяжения: Проза о поэзии / рис. М. Дудина. Л., 1984; Книга лирики. Л., 1986; Заканчивается двадцатый век... Стихи. Л., 1989; Святогорское лето: Стихи. Л., 1989; Грешные рифмы. СПб., 1992; Дорогой крови по дороге к Богу: стих. 1986–93. СПб., 1995.

Лит.: Лавров В. Михаил Дудин. Л., 1986; Хренков Д. Михаил Дудин: Пять штрихов к портрету. М., 1976; Будьте, пожалуйста! Друзья вспоминают Михаила Дудина. СПб., 1995.

Н. Б. Банк

ДУДИНЦЕВ Владимир Дмитриевич [16(28).7.1918, Купянск Харьковской обл.— 23.7.1998, Москва] — прозаик.

В. Д. Дудинцев

В 1940 окончил Московский юрид. ин-т. Участник Великой Отечественной войны. После ранения в 1942 под Ленинградом работал военным прокурором в Сибири. В 1946–51 — очеркист «Комсомольской правды».

Писать стал рано. Будучи школьником, получил премию на Всесоюзном конкурсе, при этом жюри отметило «изоэренную литературную форму». В молодости увлекался зарубежной лит-рой — Дос Пассосом, Джойсом, Прустом, Хемингуэем. Был знаком с И. Бабелем.

Впоследствии Д. написал о себе как о человеке, «чья полная ярких событий юность счастливым образом совпала с прекрасной кровавой юностью нашей страны, тоже слепой, хоть и окрашенной в праздничные тона».

Начал печататься в 1933. Эти свои лит. опыты Д. сам осудил за то, что «видел только внешнее» и пытался это внешнее запечатлеть в слове. С годами пришло понимание, что «самое высшее из того, что есть в природе, и самое достойное внимания — это не вещи, а человек. И что самое высшее из того, что есть в человеке, — это бесконечность вариантов его личности» (**Две магии искусства** // Лит. газ. 1966. 13 авг.).

Отсюда — убежденность писателя, что существуют «две магии искусства»: первая заключена в даре художника, в его способности «видеть точно и страстно вещи, жесты, тончайшие движения души». Вторая магия заключена в способности «испытывать боль», в даре сочувствия «горестям и радостям людей», в готовности броситься «в драку».

Впервые высказав эти мысли о природе творчества в статье, опубликованной в «Лит. газ.» в 1966, Д. вернулся к ним, готовя переизд. своего романа **«Не хлебом единым»** и написав к нему предисл. (1990).

Именно этот роман, впервые опубликованный в «Новом мире» в 1956, принес автору шумную известность у многочисленных читателей. История противоборства изобретателя Дмитрия Лопаткина с директором комбината, а впоследствии крупным министерским работником Леонидом Дроздовым вызвала бурные дискуссии. Многолюдные обсуждения романа прошли в Ленинградском ун-те, в Москве. Однако вскоре он был подвергнут резкой критике, к которой имело прямую причастность тогдашнее высшее руководство страны. Писателя обвиняли в очернении действительности, искажении ее в романе, в преувеличении опасности бюрократизма.

Между тем Д. взял, казалось бы, расхожий для послевоенной лит-ры сюжет: борьба «новатора» с «консерваторм». Он был на-

столько распространен, что стал объектом пародий, эстрадного злословия. Однако произведение Д. еще раз подтвердило истину, что для настоящего художника не существует избитых, сношенных тем. Успех романа был обусловлен той гражданской страстностью, с которой ведется повествование о борьбе, мытарствах и страданиях Лопаткина. Кроме того, уже в этом произведении, расширяя рамки конкретной ситуации, Д. начинает свое исследование человеческой природы, «бесконечности вариантов... личности», побудительных мотивов в поведении и поступках главных персонажей. Эти более масштабные координаты заданы уже «евангельским» названием романа; обращает на себя внимание и тот факт, что Лопаткину — 33 года: возраст Христа.

То, что было лишь намечено в первом романе, получило свое художественно убедительное воплощение в **«Белых одеждах»** (1986) — самом значительном произведении Д.

Действие большей части романа происходит в конце 1940-х, после августовской сессии ВАСХНИЛ (Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина), положившей начало разгрому ученых-генетиков, целой отрасли биологической науки и укреплению всевластия «народного академика» Т. Лысенко. Основное место действия — подмосковный науч. городок, куда академик Кассиан Рядно посылает своего ученика («сынка»), чтобы разоблачить окопавшихся там «вейсманистов-морганистов» («куб-ло»). Была у академика и потаенная цель — чтобы его посланец Федор Дежкин добыл новый сорт картофеля, выведенный биологом Иваном Стригалевым. Этот сорт Рядно обещал (как собственное науч. достижение) правительству и лично Сталину.

Однако ученик не оправдал доверия своего наставника, приняв сторону гонимых и сохранив науч. приоритет за погибшим в лагере Стригалевым.

Почти одновременно с романом Д. к трагическим событиям, вызванным произволом «школы Лысенко» в биологии, обратились В. Амлинский в повести об отце «Оправдан будет каждый шаг...», Д. Гранин в книге «Зубр».

Автор «Белых одежд» раскрыл тему по-своему, проявив гражданский темперамент, страстность, готовность «броситься в драку». Повествование ведется напряженно, динамично, обретая временами почти детективную остроту. Мн. персонажи романа (Дежкин, академик Посошков, полковник госбезопасности Свешников), пытаюсь защитить пра-

вое дело, сохранить от репрессий невинных, «ходят по краю», рискуя жизнью, а то и расплачиваясь ею за свой выбор.

В романе Д. есть конкретность, почти документальная достоверность в воссоздании картины времени, его примет. Вместе с тем происходящие драматические события становятся толчком, дают импульс для значительных социально-психологических и философских обобщений. Отсюда — яркая образность прозы, многочисленные метафоры, пронизывающие все повествование. Прежде всего это образ борьбы, войны. Дежкин, Стригалева — участники недавно закончившейся Великой Отечественной. Так сложилось, что война продолжилась и в мирное время. Поэтому то и дело возникают метафоры: «линия фронта», «передний край», и так вплоть до сильнейшей — «высокого берега», занятого противником, и «низкого берега», где находятся свои (финал «Белых одежд»).

Как и в первом романе, Д. прибегает к библейским параллелям. В название вынесены слова Иоанна Богослова: «Сии, облаченные в белые одежды, кто они и откуда пришли? Они пришли от великой скорби». В самом же тексте неоднократно возникает образ св. Себастьяна, начальника телохранителей императора Диоклетиана. Св. Себастьян не только тайно принял христианство, но и обратил в новую веру многих, за что был казнен (очевидна параллель с судьбой полковника Свешникова).

По словам литературоведа Г. Гачева, у Д. «литература и стихи в крови текут». Роман буквально перенасыщен лит. и культурными ассоциациями: смертельно раненный Гамлет, образы поэзии Пушкина и Блока, постоянные обращения к духовному и творческому опыту Достоевского, оказавшего сильнейшее влияние на совр. писателя. Большую содержательную, эмоциональную нагрузку несут образы «спящей почки», «парашютиста», «трубы». И все это подчинено задаче раскрытия тайн человеческой природы, побудительных мотивов, заставляющих делать человека тот или иной жизненный выбор, совершать те или иные поступки.

Одна из самых значительных художнических побед Д. — образ академика Рядно, «выдвиженца», столь характерного для определенного периода советской истории. Первый очерк такого характера был дан Д. еще в романе «Не хлебом единым» — в Дроздове, рабочем паренке, ставшем одним из руководителей промышленного производства.

Несомненно, среди выдвиженцев были и природно одаренные люди, однако мн.

из них свою данную природой энергию использовали главным образом для самоутверждения в жизни, всячески спекулировали своим простонародным происхождением. Таков и Рядно с его крестьянским говорком, землицей, которая то и дело как бы нечаянно высыпается из носового платка, с его спекуляциями на идее равенства. Между тем, как говорил Стригалева: «Равенство — понятие абиллогическое... В природе равенства нет. Равенство придумано человеком, это одно из величайших заблуждений, породивших уйму страданий... Идея равенства позволяет бездарному жить за счет одаренного, эксплуатировать его... И все равно, захватив себе даже большую часть, бездарный не получит главного — таланта. Приходится притворяться одаренным, приближать к себе тех, кто хвалит твой отсутствующий дар. Идея равенства позволяет бесплодному негодю с криком забираться на шею трудолюбивому и увлеченному работяге и брать все лучшее из того, что тот создает».

Социальная острота, насыщенность глубокими философскими идеями, точность и глубина психологического анализа, худож. выразительность обусловили значимость «Белых одежд» как одного из ярких произведений совр. лит-ры.

По мотивам произведения создан 5-серийный телевизионный фильм.

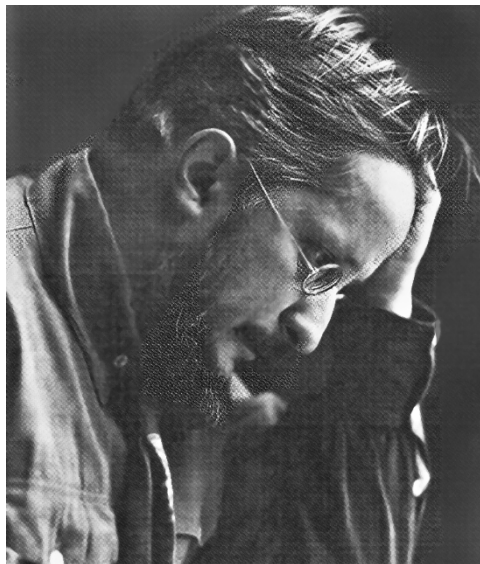
Соч.: У семи богатырей: рассказы. М., 1952; На своем месте. М., 1954; Не хлебом единым: роман. М., 1957; Новогодняя сказка. М., 1960; Рассказы. М., 1963; Белые одежды: роман. М., 1988 (и др. изд.); Цвет наших одежд. Интервью // Лит. газ. 1988. 17 авг.

Лит.: Иванова Н. Отцы и дети эпохи // Вопр. лит-ры. 1987. № 11; Старикова Е. Книга о добре и зле. Смерть Ивана Ильича // Новый мир. 1987. № 12; Шкерин М. На том стою! Штрихи к портрету В. Дудинцева // Лит. газ. 1988. 30 марта; Кардин В. На войне как на войне // Дудинцев В. Белые одежды. М., 1988; Гачев Г. Арсенал доброй воли // Там же.

В. А. Лавров

ДУРЫЛИН Сергей Николаевич (псевдоним Р. Артем, Библиофил, М. Васильев, И. Комиссаров, Н. Кутанов, В. Никитин, Д. Николаев, С. Николаев, Д. Николаев-Дурылин, С. Северный, Н. Сергеев, М. Раевский, С. Раевский) [14(26).9.1886, Москва — 14.12.1954, пос. Болшево Московской обл.] — прозаик, поэт, философ, богослов, искусствовед, этнограф.

Родился в семье купца первой гильдии, торговца тканями, принадлежал к старинно-

С. Н. Дурылин

му калужскому купеческому роду. Учился в 4-й Московской мужской гимназии, ушел из шестого класса (1903), увлекшись «честнейшим и bestолковейшим народничеством» (**В своем углу**. С. 297). В 1903 познакомился с Н. Н. Гусевым, секретарем толстовского изд-ва «Посредник». С 1904 — сотрудник этого изд-ва, автор ж. «Свободное воспитание» (1907–13) (с 1907 — секретарь редакции); «Маяк» (1909–13), «Весы» (1909), «Русская мысль», «Известия археологического общества изучения русского Севера» (1913), «Известия общества изучения Олонечкой губ.» (1913); альм. «Труды и дни» (1913); газ. «Новая земля» (1910, 1912) (постоянный ведущий рубрики «Что читать?»), «Русские ведомости» (1910–13) и ряда других печатных изд. С 1910 по 1914 — студент (слушатель) Московского Археологического ин-та (тема выпускной работы — иконография св. Софии) и одновременно — участник символистского поэтического кружка «Сердарда» (с 1908), ритмологического кружка Андрея Белого (с 1910), кружка Элліса по изучению Бодлера. С 1906 по 1917 совершил ряд поездок по Русскому Северу, старобрядческим местам Заволжья и Калужской губ. Поездки Д. вписываются в общую традицию интеллигентских «духовных путешествий» и интереса к расколу, их цель — поиск «Града Незримого».

В 1913 в символистском изд-ве «Мусaget» Д. опубликовал книгу «**Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях**